

Acta Beregsasiensis

A II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola
tudományos évkönyve

Науковий вісник
Закарпатського угорського інституту ім. Ф. Ракоці II

A Scholarly Annual of Ferenc Rákóczi II.
Hungarian College of Transcarpathia

2008

VII. évfolyam, 2. kötet

Том VII, № 2

Volume VII, № 2

Acta Beregsasiensis

A II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola
tudományos évkönyve

Науковий вісник
Закарпатського угорського інституту ім. Ф. Ракоці ІІ

VII. évfolyam, 2. kötet / Том VII, № 2

SZERKESZTŐBIZOTTSÁG: Soós Kálmán, Orosz Ildikó, Csernicskó István, Barkáts Jenő
A KÖTETET SZERKESZTETTE: Penckófer János, Kohut Attila

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ: Шовш К., Орос І., Черничко С., Боркач Є.
ЗА РЕДАКЦІЄЮ: Пенцкофер І., Когут А.

KORREKTÚRA: G. Varcaba Ildikó / Коректура: Г. Варцаба І.
TÖRDELÉS: Garanyi Béla / Верстка: Гороній А.

A kiadvány megjelenését a

támogatta

A kiadásért felel: Orosz Ildikó és Soós Kálmán/Відповідальні за випуск: Орос І., Шовш К.
ISBN: 978-966-7966-65-2

Készült: PoliPrint Kft. Ungvár, Turgenyev u. 2. Felelős vezető: Kovács Dezső

Tartalom

Csernicskó István: „ide vannak gyökerezve azok a szavak” – A szókölcsönzésekről a kárpátaljai magyar hanganyagtár alapján	7
Ferenc Viktória – Jablonykó Anatolij: Magyarként egy ukrán egyetemen – Kultúraközi kommunikáció magyarok és ukránok között az Ungvári Nemzeti Egyetemen	20
Jablonykó Anatolij: A II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola angol szakos hallgatóinak szókinccse	28
Szilágyi László: Végzős diákok angol nyelvismeretét befolyásoló szociális háttér vizsgálata a Beregszászi Magyar Gimnáziumban	40
Dr. Szpásszky Gábor: A külföldi beruházások folyamata Kárpátalján	48
Tar Géza: A magyar kisebbséget támogató intézményrendszer megszüntetésének megítélése a magyar közvéleményben	53
Császár István: A társadalmi élet megítélése Kárpátalján a brezsnyevi érában (korabeli sajtó alapján). Оцінка суспального життя епохи Брежнєва на Закарпатті (згідно тогочасної преси)	60
Papp Viktória: A Beregszászi Református Egyház demográfiai változásai az 1997–2006-os időszakban	72
Vince Tímea: Éghajlatváltozások detektálása a Beregszászi Meteorológiai Állomás adatai alapján	81
Papp Géza: Beregszász város légszennyezettségének vizsgálata az 1997–2007-es KÖJÁL-adatok alapján	89
Gönczi Andrea: A ruszinok vázlatos története a betelepüléstől a XX. század elejéig ...	98
Dr. Tonhaizer Tibor: Felekezeti helyzetkép Németországban az ortodoxia korától a romantikáig	110
Gönczy Sándor: Vulkanológiai és petrográfiai vizsgálatok az erdőpataki kőbányában (Kárpátalja). Вулканологічні та петрографічні дослідження в лісарнянській кам'яноломні (Закарпаття)	121
Rácz Béla: A benei Kisvártető késő-paleolit lelőhely régészeti anyagának nyersanyagvizsgálata	144

Krucsayica István – dr. Komonyi Éva: Növénycönológiai vizsgálatok a Kaszonyi-hegy kárpátaljai oldalán	154
Dr. Komonyi Éva: Kárpátalja almaültetvényei a történelmi és tájfajták tükrében	164
Illár Lénárd: A szőlőt károsító molylepkék Ukrajna területén	176
Komonyi Tímea: A Rett-szindróma bemutatása	192
Bárány Béla: Размышления над лагерной тематикой в романах В. Гроссмана «Жизнь и судьба», И. Кертеса «Обездоленность» и в произведении С. Довлатова «Зона. Записки надзирателя»	199
Bárányné Komári Erzsébet: „Словарь української мови” (1907–1909 pp.) за редакцією Бориса Грінченка як джерело виявлення гунгаризмів у західноукраїнських говорах	208
Sándor Berghauer: Cross border relationship and tourism. Shopping tourism in Beregszász	214
Norbert Pap: Pécs – a gateway city?	223
Veronika Gál: „Maps in our head” Cognitive and mental maps in research	239
A II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola eseményei a 2007/2008. tanév II. félévében	246

BÁRÁNY BÉLA

Размышления над лагерной тематикой в романах В. Гроссмана «Жизнь и судьба», И. Кертеса «Обездоленность» и в произведении С. Довлатова «Зона. Записки надзирателя»

В художественной литературе XX века есть писатели первой величины, чьи произведения к моменту своего появления пользовались большей популярностью за границей, чем на родине. К этим звездам можно отнести русского писателя, философа Василия Гроссмана (1905–1964), автора «Жизни и судьбы» (1960), представителя венгерской литературы Имре Кертеса (1929–) с его известным романом «Обездоленность» (1975) и одного из наиболее важных представителей русской прозаической культуры прошлого столетия Сергея Довлатова (1941–1990), автора произведения «Зона. Записки надзирателя» (1982). Изучаемые в данной работе шедевры литературы написаны писателями из двух разных государств и культур, но в их авторских рассуждениях много общего. С могучей силой правдивого слова звучат в них мысли о свободе и несвободе, насилии, законах жизни на воле и в обстоятельствах лагерного режима, судьбе личности и хрупкости индивидуума в условиях всемогущей власти советского тоталитарного государства. В. Гроссман, И. Кертес и С. Довлатов в своих произведениях разоблачают все то, что направлено против человека XX века, что уничтожало его личность, преобразуя ее в раба режима, узника политических тюрем и концентрационных лагерей времен Второй мировой войны, описанных в романе «Жизнь и судьба» и «Обездоленность», а также – уголовных лагерей в книге «Зона. Записки надзирателя». В произведениях писателей раскрывается главная тема лагерной прозы советского периода, сформулированная Екатериной Янг, – это «размышления над тем, что именно произошло с народом, согласившимся принять ложь за правду» (Арьев 1999: 278).

Главной задачей этой работы есть сравнительная характеристика чувств, сознания, поведения героев анализируемых произведений в экстремальных условиях политических, уголовных и концентрационных лагерей; выявление всех тех человеческих ценностей, которые невозможно было истребить даже ценой жестокости и насилия в лагерных бараках; раскрыть не только внутренние процессы, которые происходили в психике персонажей произведений в атмосфере страха, унижения, но и те внешние обстоятельства, которые полностью определяли и меняли природное течение жизни и судьбы героев, препятствовали личности отстаивать свое право оставаться человеком или же, наоборот, заставляли неузнаваемо меняться «под воздействием обстоятельств» (Довлатов: 1982). В основе такого рода внешнего «обстоятельства» наибольшую мощь представлял феномен «невидимой»,

деградирующей силы тоталитаризма, которая «с гипнотизирующей тяжестью» «заставляла замирать сердце», «растворяла волю», «подчиняла всего человека без остатка государственной машине» (Коваленко 1991: 31), она лишала человека суверенности мысли, чувства, сознания, превращала людей «в зверей» (Довлатов: 1982). В романе «Жизнь и судьба» многие

«заклученные попали в лагерь за высказанные в разговорах с друзьями критические замечания о гитлеровском режиме, за анекдот политического содержания. Они не распространяли листовок, не участвовали в подпольных партиях. Их обвиняли в том, что они бы могли все это сделать» (Гроссман 1990: 8). «Возник новый тип политических заключенных [...], – преступники, не совершившие преступлений» (Гроссман 1990: 8).

В изучении вышеперечисленных социальных явлений и процессов важным является психологический подход и метод. Психологический анализ в исследуемых произведениях помогает «рассмотреть одну из составляющих глобального конфликта эпохи – внутреннюю жизнь человека в тоталитарном государстве» (Коваленко 1991: 31). В центре психологической концепции В. Гроссмана, И. Кертеса и С. Довлатова стоит проблема существования личности в нечеловеческих условиях лагерной жизни.

Личная судьба человека, живущего в тоталитарном государстве, – всегда трагическая или драматическая, как это происходит и с основными действующими лицами произведений «Жизнь и судьба», «Обездоленность» и «Зона». Человек в тоталитарных системах XX века «становился рабом по судьбе, а не по природе своей», – размышляет автор романа «Жизнь и судьба» (Гроссман 1990: 110). Судьбой героев В. Гроссмана, И. Кертеса и С. Довлатова становится рабство и несвобода в фашистских лагерях Гитлера и Сталина («Жизнь и судьба», «Обездоленность»), и в их точных прототипах – в зонах Советского государства в своеобразное «мирное время» («Зона»). Общность лагерей тонко чувствует рассказчик «Зоны», для которого советский лагерь последних десятилетий XX века

«представляет собой довольно точную модель государства. Причем именно Советского государства. В лагере имеется диктатура пролетариата (то есть – режим), народ (заклученные), милиция (охрана). Там есть партийный аппарат, культура, индустрия. Есть все, чему положено быть в государстве» (Довлатов: 1982). Советская тюрьма становится одной из «бесчисленных разновидностей тирании», «одной из форм тотального всеобъемлющего насилия». «Лагерь – учреждение советское – по духу. По внутренней сути» (Довлатов: 1982).

В произведениях В. Гроссмана, И. Кертеса и С. Довлатова «государство стало судьбой» (Дедков 1988: 236), перед ней стоят герои «одинокие как перст, [...] и вдруг открывают в себе совершенно неведомые силы» (Аннинский 1988: 259). Это фантастические силы духа перед лицом судьбы, это ни с чем не сравнимые силы, которые помогают человеку смиренно воспринимать условия жизни в лагерях, это силы, которые помогают авторам и героям ответить современному читателю на жизненно важный вопрос о том, как надо преодолевать и терпеть «бесчинства судьбы» (Дедков 1988: 234), чтобы человеку остаться самим собой, сохранить свою личность и достоинство, примером чему могут послужить жизнь и судьба самих писателей. Как знак подтверждения вышеупомянутым мыслям звучат слова физика Штрума в романе Гроссмана:

«Каждый день, каждый час, из года в год, нужно вести борьбу за свое право быть человеком, быть добрым и чистым. И в этой борьбе не должно быть ни гордости, ни тщеславия, одно лишь смирение. А если в страшное время придет безвыходный час, человек не должен бояться смерти, не должен бояться, если хочет остаться человеком» (Гроссман 1990: 448).

В этих словах воплощены силы чрезвычайно трагического, и в то же время мужественного взгляда на жизнь, силы, необходимые для смиренного восприятия судьбы не только Штрумом, но и самим Гроссманом, который словно пытается дать объяснение читателю и переубедить в романе «Жизнь и судьба» даже заключенных, занимающих «высокие должности» в концентрационном лагере, обслуживая газовые камеры, в том, «что в пору фашизма человеку, желающему остаться человеком, случается выбор более легкий, чем спасенная жизнь, – смерть» (Гроссман 1990: 284), потому что когда побеждает фашизм, тогда «перестает существовать человек, остаются лишь внутренне преображенные, человекообразные существа» (Лазарев 1988: 222). Такими «существами» в романе Гроссмана «Жизнь и судьба» смело можно назвать и Розенберга, сжигателя еврейских трупов, и представителя обслуживающего персонала газовой камеры предприятия смерти солдата Розе, и «начальника объекта, командира зондеркоманды» Кальтлуфта, и Антона Хмелькова, и Трофима Жученко. Розе привык к своей работе. Он

«дежурил у смотрового окошечка, и, когда процесс заканчивался, Розе давал команду к разгрузке камеры. Кроме того, ему полагалось наблюдать за тем, чтобы дантисты работали добросовестно и аккуратно» (Гроссман 1990: 283).

Он не любил своей работы, «но он знал все явные и тайные выгоды ее», например, «Розе уже дважды передавал жене около килограмма золота» (Гроссман 1990: 283). Что касается Хмелькова, то он считал себя не «уродом», а человеком, хотя он, как и Жученко, который закрывал герметический затвор камеры, тоже

«мог выпить и побаловаться с женщиной, ожидавшей очереди. Имелась лазейка, через которую работники зондеркоманды проходили в предбанник выбирать бабу. Мужчина есть мужчина. Хмельков выбирал женщину либо девочку, заводил ее в пустой отсек барака и через полчаса приводил обратно в загон и сдавал охраннику. Он молчал – и женщина молчала» (Гроссман 1990: 284).

Через образ Хмелькова и Кальтлуфта читатель получает также объяснения о том, как бы он и им подобные отвечали перед небесным судом, оправдывая свои души. Кальтлуфт правдиво б

«рассказал судье, как судьба толкала его на путь палача, убившего пятьсот девяносто тысяч человек. Что мог сделать он перед волей могучих сил: мировой войны, огромного народного национального движения, непреклонной партии, государственного принуждения? [...] Не он шел, его толкали, не он хотел, его вели, он шел, как мальчик-с-пальчик, судьба вела его за руку» (Гроссман 1990: 285).

И Хмельков, по его мнению, «оказался здесь не ради вина и баб». Когда он попал в плен в июле 1941 года,

«его били прикладом по шее и по голове, он болел кровавой дизентерией, его гнали в порванных сапогах по снегу, его поили желтой водой с пятнами мазута, он отрывал пальцами куски вонючего черного мяса от лошадиного трупа, он жрал гнилую брюкву и картофельные очистки. Он выбирал лишь одно – жизнь, большего он не хотел, он отбивался от десяти смертей, [...]» (Гроссман 1990: 284).

Но нет оправданий деяниям «зондеркоманды», в чем убеждает читателя и Гроссман, ведь «судьба ведет человека, но человек идет потому, что хочет, и он волен не хотеть» (Гроссман 1990: 285), и если необходимо, то пусть примет назначенную ему судьбой смерть, чтобы остаться человеком, чтобы не стать карателем и не выполнять подобные безумные задания. Для объяснения вышеизложенных мыслей напрашивается замечание рассказчика «Зоны» о поразительном сходстве «между заключенными и надзирателями. Между домушниками-рецидивистами и контролерами производственной зоны []». Автор в лице тюремного надзирателя «Зоны» приходит к умопомрачительному выводу о том, что

«по обе стороны запретки расстился единый и бездушный мир. Мы говорили на одном, приклатненном языке. []. Претерпевали одни и те же лишения. Мы даже выглядели одинаково. Нас стригли под машинку. []. Наши сапоги распространяли запах конюшни. Мы были очень похожи и даже – взаимозаменяемы. Почти любой заключенный годился на роль охранника. Почти любой надзиратель заслуживал тюрьмы» (Довлатов: 1982).

В советских уголовных лагерях, замечает Довлатов, «чтобы сделать такую карьеру», подобно работникам «зондеркоманды» в романе «Жизнь и судьба», тоже «необходимы были фантастические усилия. Нужно было выслуживаться, лгать, карабкаться по трупам. Нужно было идти на подкуп, шантаж, вымогательство. Всеми правдами и неправдами добиваться своего». Как замечает рассказчик, одной из таких особых должностей в «Зоне» была работа хлеботореза. «Эта должность сулила громадные преимущества. Получив ее, зек уподоблялся Ротшильду, хлебные отрезки приравнивались к россыпям алмазов» (Довлатов: 1982). Только доставались такие должности в лагерях военных и послевоенных лет умонепостижимой ценой, в основе которой лежало недостойное человека поведение, соответствующее требованиям механизма тоталитарного государства, от избранных кандидатов в хлеботорезы или в палачи.

Мудрые советы о достойном человека поведении читатель может и должен извлечь из уроков, преподнесенных надзирателем Борисом Алихановым оперу Борташевичу в «Зоне», о том, как жить среди людей, чтобы не стать «волком» и «монстром», подобным персонажам в вышеперечисленных фрагментах работы. Для того, чтобы не допустить подобного, человеку нельзя давать волю своим страстям, стремлению убивать и насиловать,

«Разве у тебя внутри не сидит грабитель и аферист? Разве ты мысленно не убил, не ограбил? Или как минимум, не насиловал?

- Еще бы, сотни раз. А может – тысячи. Мысленно, да. Так я же воли не даю своим страстям.
- Я не волк. Я живу среди людей. [].
- Всякую падаль охраняем!.. Сами хуже зеків!..» (Довлатов: 1982).

Но даже в таких крайне жестоких условиях лагерей, где человек полностью низведен до «животного состояния», люди способны покорно жить и радоваться, в то же время зная, что их будущее трагично. В романе «Жизнь и судьба» Анна Семёновна Штрум, попав в «средневековое гетто», не теряет силу воли, ее необычайно уравновешенное и в то же время печальное состояние воплощено в словах письма к ее сыну:

«Знаешь, Витенька, что я испытала, попав за проволоку? Я думала, что почувствую ужас. Но, представь, в этом загоне для скота мне стало легче на душе. Не думай, не потому, что у меня рабская душа. Нет. Нет. Вокруг меня были люди одной судьбы [...]. В этом загоне все носят печать, поставленную на нас фашистами, и поэтому

здесь не так жжет мою душу эта печатъ. Здесь я себя почувствовала не бесправным скотом, а несчастным человеком. От этого мне стало легче» (Гроссман 1990: 43)

Анна Семёновна Штрум совершенно ясно видит, что их «[...] здесь собрали не для того, чтобы сохранить, как зубров в Беловежской пуще, а для уоя. По плану дойдет и до нас очередь через неделю, две» (Гроссман 1990: 44). Читателя поражает трагическая судьба и восхищает триумф в характере матери, женщины, человека. Она не падает духом, как и большинство жителей проклятого гетто. Анна Семеновна продолжает лечить больных, преподает Юре уроки французского языка, зная, что судьба их всех может решиться в любой день, и ее ждет гибель. В завершении письма торжествуют слова всемогущей материнской любви к сыну:

«Помни, что всегда в дни счастья и в день горя материнская любовь с тобой, ее никто не в силах убить. Витенька... Живи, живи, живи вечно [...] Мама» (Гроссман 1990: 47).

Переживания Анны Семеновны, матери, женщины, становятся символом своеобразной душевной, внутренней свободы личности, «свободы за решеткой» (Довлатов: 1982). Автор «Зоны» в своих надзирательских впечатлениях тоже обращает внимание читателя на то, что мир, в который он попал, «был ужасен. Но жизнь продолжалась. Более того, здесь сохранялись обычные жизненные пропорции. Соотношение добра и зла, горя и радости – оставалось неизменным» (Довлатов: 1982). Когда герой размышляет над вышеописанными моментами о лагерной жизни, становится явным, что «свобода» не есть гарантом к сохранению человеческих ценностей, она «одинаково благосклонна и к дурному, и к хорошему. Под ее лучами одинаково быстро расцветают и гладиолусы, и марихуана...» (Довлатов: 1982), но свобода есть неотъемлемая возможность ко всему: и доброму и злему, и красивому и зачерненному. Как указывает рассказчик «Зоны», в условиях несвободы

«иерархия ценностей [...] полностью нарушена. То, что казалось важным, отошло на задний план. Мелочи заслонили горизонт. Возникла совершенно новая шкала предпочтительных жизненных благ. По этой шкале чрезвычайно ценились еда, тепло, возможность избежать работы. Обыденное становилось драгоценным. Драгоценное – нереальным. Открытка из дома вызывала потрясение. Шмель, залетевший в барак, производил сенсацию» (Довлатов: 1982)

Соответственно этой мерке жизненноважных и элементарных человеческих потребностей и ценностей героически воспринимает свою неотвратимую судьбу в романе Гроссмана и майор медицинской службы, военный врач Софья Осиповна Левинтон. Она становится символом материнской привязанности, доброты, страдания и любви. Гроссман сумел показать проявление этих качеств в обстоятельствах, поистине ужасающих – в газовой камере, на ее пороге. Действия вокруг Левинтон разворачиваются в двух эпизодах: в запертом товарном вагоне поезда и в лагере обреченных на гибель. В «телячьем вагоне» эшелона смерти схали люди разных профессий и взглядов, молодые, старики, больные и дети. Софья Осиповна замечает:

«Главное изменение в людях состояло в том, что у них ослабевало чувство своей особой натуры, личности и силилось, росло чувство судьбы». В этом вагоне «желание счастья ушло, но появилось множество мечтаний: убить вшей, [...] добраться до щелки и подышать воздухом, [...] помочиться, [...] помыть хотя бы одну ногу, [...] и желание, жившее во всем теле, – пить. [...] Софья Осиповна даже удивилась. – всего несколько дней понадобилось, чтобы пройти обратную дорогу от человека до грязной и несчастной, лишенной имени и свободы скотины, а ведь путь до человека длился

миллионы лет. Ее поражало, что в огромном, постигшем людей бедствии, их продолжают волновать житейские мелочи, что люди раздражаются друг против друга по пустякам» (Гроссман 1990: 100-101).

Недалеко от Софьи Осиповны сидел неподвижно мальчик. У него было «[...] худое остроносое лицо. Ему, видимо, было лет шесть» (Гроссман 1990: 101). Звали его Давидом. У Левинтон усиливалось чувство жалости к людям, когда она смотрела на Давида.

«Маленький Давид вызвал в ней особую нежность, которую она никогда не испытывала к детям, хотя всегда любила детей. В вагоне она отдавала ему часть своего хлеба, он поворачивал к ней в полутьме лицо, и ей хотелось плакать, прижать его к себе, целовать частыми, быстрыми поцелуями, которыми обычно матери целуют маленьких детей» (Гроссман 1990: 290).

И вот наступает последний день дороги в лагерь смерти, и из товарных вагонов стали выходить люди. Их встречала музыка оркестра. Музыка, по словам Гроссмана, «коснувшись гибнущего, вдруг возрождает в душе его не мысли, не надежды, а лишь одно слепое, пронзительное чудо жизни. Рыдание прошло по колонне» (Гроссман 1990: 287).

Эту мелодию Левинтон слышала ребенком, студентом, врачом, и, по мысли писателя, эта музыка всегда волновала ее живым предчувствием будущего. Но «музыка обманула ее. У Софьи Осиповны не было будущего, была лишь прожитая жизнь». И у Давида «печальная, могучая мелодия, как чашечку, наполнила его душу до самых краев тоской по матери» (Гроссман 1990: 289). Софья Осиповна шла вместе с Давидом, держа его за руку. У старой девы Левинтон, как замечает Солженицын,

«вспыхивает материнское чувство к чужому малышу, и чтобы быть с ним рядом, она даже отказывается выйти на спасительный для врача вызов “кто хирург?”» (Солженицын 2003: 167).

Обреченные вместе шли на смерть. А «смерть стояла во всю громадную величину неба и смотрела, – маленький Давид шел к ней своими маленькими ногами [...] Раз еврей – все!» (Гроссман 1990: 289). Хотя «жизнь евреев при фашизме была ужасна, а евреи не были ни святыми, ни злодеями, они были людьми» (Гроссман 1990: 102). Человеческий поток «медленно скользил» к входу в газовую камеру. «Софья Осиповна снова прижала к себе плечи мальчика. Такой нежности к людям никогда еще не было в ее сердце» (Гроссман 1990: 292). Они вместе переступают стальной порог газовой камеры, и, как показывает Гроссман,

«все время сильные, горячие руки обнимали Давида, мальчик не понял, что стало темно в глазах, гулко, пустынно в сердце, скучно, слепо в мозгу. Его убили, и он перестал быть. Софья Осиповна Левинтон ощутила, как осело в ее руках тело мальчика. Она опять отстала от него. В подземных выработках с отравленным воздухом индикаторы газа – птицы и мыши – погибают сразу, у них маленькие тела, и мальчик с маленьким, птичьим телом ушел раньше, чем она. «Я стала матерью», – подумала она. Это была ее последняя мысль. А в ее сердце еще была жизнь: оно сжималось, болело, жалело вас, живых и мертвых людей; хлынула тошнота, Софья Осиповна прижимала к себе Давида, куклу, стала мертвой куклой» (Гроссман 1990: 294-295).

Гроссман в романе «Жизнь и судьба» замечает, что «[...] первая половина двадцатого века войдет в историю человечества как эпоха поголовного истребления огромных слоев европейского населения, основанного на социальных и расовых теориях» (Гроссман 1990: 108). Писатель посвящает целую главу процессу подготовки

и уничтожения людей, который он приравнивает к «забою зараженного скота» (Гроссман 1990: 108). Но в тоже время Гроссман наблюдает, что

«одной из самых удивительных особенностей человеческой природы, вскрытой в это время, оказалась покорность. Были случаи, когда к месту казни устанавливались огромные очереди, и жертвы сами регулировали движение очередей. Были случаи, когда ожидать казни приходилось с утра до поздней ночи, в течение долгого жаркого дня, и матери, зная об этом, предусмотрительно захватывали бутылочки с водой и хлеб для детей. Миллионы невинных, чувствуя приближение ареста, заранее готовили сверточки с белым, заранее прощались с близкими. Миллионы жили в гигантских лагерях, не только построенных, но и охраняемых ими самими» (Гроссман 1990: 109).

Источник такой «массовой покорности» Гроссман видит в «ужасной силе» «сверхнасилия тоталитарных социальных систем», которые оказались способными «парализовать на целых континентах человеческий дух» (Гроссман 1990: 109). К такому, по мнению Ш. Маркиша (1997: 91), «параличу» подталкивает «[...] гипнотическая сила мировых идей. Они призывают к любым жертвам, к любым средствам ради достижения величайшей цели – грядущего величия родины, счастья человечества, нации, класса, мирового прогресса» (Гроссман 1990: 109). Гроссман в результате приходит к умопомрачительному выводу о том, что насилие «превращается в предмет мистического, религиозного преклонения, восторга», и в пример приводит «рассуждения некоторых мыслящих, интеллигентных евреев о том, что убийство евреев необходимо для счастья человечества, и что они, сознав это, готовы вести на убойные пункты своих собственных детей, – ради счастья родины они готовы принести жертву, которую когда-то совершил Авраам» (Гроссман 1990: 109).

В романе И. Кертеса следует указать на еще одну очень важную черту, которая лежит в основе «покорного» поведения личности и восприятия ее судьбы, – это навыки сверхчеловеческой терпимости, заложенные в индивидууме воспитанием родителей и школы. Эти черты воплощены в характере главного героя романа «Обездоленность» – Дёрде Кёвеше. Говоря словами Ж. Хетени, «поведение ассимилированных евреев, послушных граждан своих среднеевропейских родин, было именно таким. Уступить свое место другим, не мешать, не выделяться, не бунтовать» (Хетени 2004: №18). Умение терпеть свою судьбу неоднократно подчеркивается в манере поведения подростка Дёрдя Кёвеша в романе И. Кертеса. Дёрдь смиренно, почти со взрослым пониманием воспринимает слова дяди Лайоша накануне отъезда отца юного героя в «рабочие батальоны». С этого момента жизнь Дёрдя меняет свое русло и идет по течению судьбы, ибо «известный период» его жизни, который дядя Лайош назвал

«„беззаботными, счастливыми годами детства“, сегодняшним печальным днем завершается. Ибо очевидно, что впредь мои дела не могут идти так же хорошо, как до сих пор, и он не хочет этого от меня скрывать, потому что разговаривает со мной “по-взрослому”. Теперь уже, сказал он, ты тоже “причастен к общей еврейской доле”, потом пустился в подробности, напомнил мне, что эта доля – тысячелетия непрерывных гонений, которые евреям, однако же, следует принимать смиренно, жертвенно и терпеливо, ибо Бог наслал это на них за давние грехи, и как раз потому только от Него можно ждать милости, а Он пока ждет от нас, чтобы мы все, в этом тяжком положении, твердо держались на том месте, которое он нам назначил “согласно нашим силам и способностям”» (Кертес 2003: № 14-15).

С аналогичным спокойствием, делая «шаг за шагом», Дёрдь переносит и сверхчеловеческие мучения, и лишения в концентрационных лагерях Аушвица и

Бухенвальда. Дёрдь прошел по этим ступеням ужасов и мучений не торопясь, а соответственно «рабочей скорости», чтобы «отвести десять-двадцать минут на ожидание, пока дойдешь до той точки, где решится: сразу ли в газ или еще один шанс», он пережил заданную ему долю, но, как он констатирует: «То была не моя доля, но я прожил ее [...]» (Кертес 2004: №18). Более того, после освобождения из лагеря он даже ностальгирует за своеобразным «счастьем концентрационных лагерей», где

«даже рядом с дымовыми трубами было в перерывах между муками что-то, походившее на счастье. Все спрашивают только про тяготы, про “ужасы”: а между тем, что до меня, может быть, это переживание остается самым памятным. Да, о нем, о счастье концентрационных лагерей надо было бы им рассказать в следующий раз, когда спросят. Если вообще спросят. И если только и сам не забуду» (Кертес 2004: №18).

Воспоминания Дердя очень созвучны с переживаниями заключенного Чичеванова в «Зоне», который за несколько суток до освобождения из лагеря, в котором просидел двадцать лет, совершает побег, но его за несколько часов схватили и принуждают еще к четырём годам лишения свободы. Эта история словами рассказчика «Зоны» «невероятное» и «противоестественное» явление, как и печальные для читателя взгляды на «счастье концентрационных лагерей» Дердя Кёвеша. Чичеванов привык к тюрьме: «Тюрьма перестроила его кровообращение, его дыхательный и вестибулярный аппарат [...]. Он дико боялся свободы» (Довлатов: 1982) а не ада лагерей, которого не узнал и «даже представить себе не мог» (Кертес 2004: №18) юный Дердя Кевеш в романе Кертеса.

Произведения С. Довлатова, В. Гроссмана и И. Кертеса, считаю, заставят читателя задуматься о нормах морального и этического поведения каждого человека в любом обществе, заглянуть в зеркало, о чём просит нас и С. Довлатов, обращая наше внимание прежде всего на то, что «ад – это мы сами» (Довлатов: 1982). Мудрые уроки анализируемых произведений, возможно, приведут читателя к осознанию того, что романы «Обездоленность», «Жизнь и судьба» и произведение «Зона», – это могучие шедевры не только о лагерях и заключенных, не только о политике и о войне. Это прежде всего книги о душевном мире человека в условиях тоталитаризма. Читатель должен осмыслить все те явления, которые могут привести к сверхнасилию одних над другими даже в современном «своеобразно цивилизованном» мире. Нельзя унижать и уничтожать людей, что сегодня все чаще и чаще повторяется, все в новых и новых формах. Соответственно взглядам С. Довлатова, нас должна интересовать «жизнь, а не тюрьма. И люди, а не монстры», ведь «мир един, и все, что делают в нем люди, на них же и падает возмездием и воздаянием» (Аннинский 1988: 262).

Összegzés

A tanulmány a lágeres tematika bemutatásának összehasonlításával foglalkozik a XX. századi világirodalom három írójának Vaszilij Grosszman *Élet és sors*, Kertész Imre *Sorstalanság* és Szergej Dovlatov *A Zóna* c. művében. A tanulmány szerzője megkísérli megvizsgálni és összevetni a regények hőseinek érzelmeit, viselkedését, tudatát a XX.

század politikai börtönök és koncentrációs táborok körülményei között, magyarázatot adni az ember határtalan tűrőképességének forrásáról és változó sorsának elfogadásáról.

Литература

- Аннинский 1988: Аннинский Л., Мироздание В. Гроссмана. // Дружба Народов, №10, 253-263.
- Арьев 1999: Арьев А. Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба. Итоги Первой международной конференции «Довлатовские чтения». Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 277-238.
- Гроссман 1990: Гроссман В., Жизнь и судьба. Роман. Таллинн. «Ээсти раамат».
- Дедков 1988: Дедков И., Жизнь против судьбы. // Новый мир, № 11, 229-241.
- Довлатов 1982: Довлатов С., Зона: Записки надзирателя, – Ann Arbor: «Эрмитаж», 1982
In: www.sergeidovlatov.com/books/zona.html.
- Кертес 2003 - 2004: Кертес И., Обездоленность. Роман. Перевели с венгерского Шимон Маркиш и Жужа Хетени. // Иерусалимский журнал, №14-15, In: www.antho.net/jr/1415.2003/11.php. // №18, In: www.antho.net/jr/18.2004/01.php.
- Коваленко 1991: Коваленко А. Г., Диалектика конфликта в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба». // Филологические науки. № 5, 25-32.
- Лазарев 1991: Лазарев Л., Долги наши... // Знамя. Книга 6, 228-232.
- Маркиш 1997: Маркиш Ш. Василий Гроссман. Бабель и другие. Москва, 1997, 28-105.
- Солженицын 2003: Солженицын А. Диалогия Василия Гроссмана // Новый мир, № 8, 155-169.
- Хетени 2004: Хетени Ж. Порядок хаоса. Имре Кертес и его роман Обездоленность // Иерусалимский журнал, №18.
In: www.antho.net/jr/18.2004/02.php

Надруковано:
СП "ПоліПрінт", м. Ужгород, вул. Тургенева, 2
Зам. 327. Наклад 300.